

DOI 10.15826/izv2.2025.27.1.002
УДК 821.161.1-1 Маяковский +
+ 821.161.1-1 Есенин + 81'42 + 808.1

И. В. Кудряшов
Арзамасский филиал
Нижегородского государственного
университета
Арзамас, Россия

ЗАТЕКСТ ИНВЕКТИВ В ПОЭТИЧЕСКИХ ВЫПАДАХ В. МАЯКОВСКОГО И С. ЕСЕНИНА 1924 г.

Проведено историко-литературное исследование поэтического выпада В. Маяковского в адрес С. Есенина в стихотворении «Юбилейное» (1924) и ответа Есенина Маяковскому в стихотворении «На Кавказе» (сентябрь 1924 г.). Обе инвективы в литературоведении репрезентируются как литературный факт обмена поэтами уничижительными образными характеристиками, вызванного их желанием как можно больнее уязвить соперника словом. Отмечается, что устоявшиеся в науке интерпретации инвектив алогичны и не учитывают их диалогичности.

Предлагается идентифицировать смысловые связи инвектив, которые априори должны присутствовать между выпадом и ответной реакцией на него в едином диалоговом поле, образуемом в точке пересечения стихотворений «Юбилейное» и «На Кавказе» как литературного факта многолетнего творческого соперничества Маяковского и Есенина.

Представленная автором атрибуция границ инвективы В. Маяковского в стихотворении «Юбилейное», репрезентируемая явной и скрытой от посторонних глаз частями, проясняет диалогичность реактивной инвективы С. Есенина в «На Кавказе», выраженную в зеркальности есенинского ответа на выпад литературного оппонента в свой адрес. Сокрытое содержание обеих инвектив декодируется алкогольным кодом, к использованию которого прибегают поэты-соперники для уничижения не только творческих, но и личностных достоинств друг друга, что свидетельствует о накале их творческого противостояния, вышедшего за границы сугубо литературного спора.

Исследование обогащает современное литературоведение, предлагая новый взгляд на характер творческого соперничества Маяковского и Есенина, и открывает перспективы для дальнейшего изучения сложных взаимоотношений этих двух выдающихся русских поэтов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Есенин; Маяковский; инвектива; реактивная инвектива; интерпретация; затекст; пробки; балалаечник; поэтический диалог; литературный факт; взаимное оскорбление

Ц и т и р о в а н и е: *Кудряшов И. В.* Затекст инвектив в поэтических выпадах В. Маяковского и С. Есенина 1924 г. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2025. Т. 27, № 1. С. 25–40. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.002>

*Поступила в редакцию: 28.10.2023
Принята к печати: 28.01.2025*

Igor V. Kudryashov

State University of Nizhny Novgorod
(Arzamas Branch)
Arzamas, Russia**AFTERTEXT OF INVECTIVES IN THE POETIC ATTACKS
OF V. MAYAKOVSKY AND S. YESENIN IN 1924**

This article deals with a historical and literary study of V. Mayakovsky's poetic attack on S. Yesenin represented by his *For the Jubilee* poem (1924) and Yesenin's response to Mayakovsky in his *In the Caucasus* poem (September 1924). In literary criticism, both invectives are represented as a literary fact of the exchange of derogatory figurative characteristics by the poets, caused by their desire to hurt their opponent as much as possible with the word. It is noted that the interpretations of invectives established in scholarship are illogical and do not take into account their dialogic nature.

The author suggests identifying the semantic connections of invectives that a priori should be present between the attack and the response to it in a single dialog field formed at the intersection of the poems *For the Jubilee* and *In the Caucasus* as a literary fact of the long-term creative rivalry between Mayakovsky and Yesenin.

The author's attribution of the boundaries of Mayakovsky's invective in the poem *For the Jubilee*, represented by an explicit part and by one hidden from prying eyes, clarifies the dialogic nature of Yesenin's reactive invective. In his *In the Caucasus*, through a mirroring image, Yesenin expresses a response to the attack of the literary opponent. The hidden content of both invectives is decoded by an alcohol-related code, which the rival poets resort to in order to disparage not only the creative, but also the personal merits of each other, indicating the intensity of their creative confrontation, which has gone beyond the boundaries of a purely literary dispute.

The study enriches contemporary literary scholarship by offering a fresh perspective on the nature of the creative rivalry between Mayakovsky and Yesenin, while also offering prospects for further exploration of the complex relationship between these two eminent Russian poets.

Key words: Yesenin; Mayakovsky; invective; reactive invective; interpretation; aftertext; cork; balalaika player; poetic dialogue; literary fact; mutual insults

For citation: Kudryashov, I. V. (2025). Zatekst invektiv v poeticheskikh vupadakh V. Maiakovskogo i S. Esenina 1924 g. [Aftertext of Invectives in the Poetic Attacks of V. Mayakovsky and S. Yesenin in 1924]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 27(1), 25–40. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.002>

Submitted: 28.10.2023

Accepted: 28.01.2025

Поэтическая инвектива В. Маяковского в адрес Есенина в стихотворении «Юбилейное» (1924) и последовавшая есенинская реакция в стихотворении «На Кавказе» (сентябрь 1924 г.) в литературоведении преимущественно

аттестуется как обмен «особенно резкими выпадами» двух ярчайших поэтов-современников, которые стали результатом взаимного отталкивания очень разных художественных индивидуальностей и противоборства соперников, принадлежащих к враждебным литературным группам. При этом существующие в науке интерпретации самих инвектив — Есенин-«балалаечник» и Маяковский-«штабс-маляр» — сводятся к указанию на «уничжительность» взаимных образных именованний, которые связаны между собой исключительно возникшим желанием поэтов как можно больше уязвить соперника словом. Размытость дефиниций инвективы Маяковского и реактивной инвективы Есенина не позволила исследователям идентифицировать их диалогические смысловые связи, которые априори должны присутствовать между выпадом и ответной реакцией на него в едином диалоговом поле, образуемом в данном случае в точке пересечения «Юбилейного» и «На Кавказе».

Отметим, что поэтические отзывы Маяковского о Есенине в стихотворении «Юбилейное» и Есенина о Маяковском в стихотворении «На Кавказе» как ценный источник информации о взаимоотношениях поэтов, их творческом диалоге неизменно находились в центре внимания ученых [см.: Земсков; Лекманов¹, Свердлов; Матросова; Перцов; Савченко, 2018; 2003а; 2003б]. И в этом отношении, безусловно, особая роль принадлежит книге М. А. Степановой «Есенин vs Маяковский: поэтическая дуэль» [Степанова], ставшей первым и пока еще единственным опытом системного монографического изучения творческого соперничества Есенина и Маяковского.

В исследовании М. А. Степановой делается попытка проследить биографические и творческие взаимосвязи Есенина и Маяковского, найти точки пересечения и отталкивания двух поэтических миров «таких разных, но таких близких друг другу поэтов» [Степанова, с. 201] с учетом исторического и культурного контекста эпохи Серебряного века. Автор, стремящийся к всестороннему охвату противостояния Есенина и Маяковского, которое началось со дня их знакомства и закончилось только со смертью последнего, тем не менее, подробно не комментирует особенно резкие выпады поэтов 1924 г., ограничиваясь указанием на имевший место литературный факт, состоявший из выпада Маяковского и «мгновенного ответа» Есенина, который устраивает свой «суд» над оппонентом, «умалая» его поэзию перед лицом классиков русской литературы Пушкина, Лермонтова и Грибоедова [Там же, с. 154–155]. Обобщающее исследование Степановой показательное в плане того, что комментаторами ранее не уделялось должного внимания этому литературному факту как кульминационной точке творческого противостояния, диалогичность содержания которого обогащает затекст. По этой причине существующие на сегодняшний день интерпретации инвектив аморфны и содержат так называемые «темные места». Во-первых, остается непроясненным, почему Маяковский называет Есенина «балалаечником», в то время как общеизвестно, что поэт вовсе не отличался виртуозностью игры

¹ Признан иноагентом в РФ.

на этом народном инструменте, в отличие от гармошки — народного инструмента того же «низового» уровня, что и балалайка. С какой целью Маяковским «подменяется» музыкальный инструмент? Что в отзыве Маяковского больно ранило Есенина, гордившегося своим непривилегированным, крестьянским, происхождением? Во-вторых, не мотивирован и поэтический отклик Есенина, который высмеял «штабс-маляра» Маяковского за воспевание исключительно «пробок в Моссельпроме», в то время как поэт сочинял рекламные тексты о детских сосках, конфетах, печенье, галошах и другой продукции предприятий сельскохозяйственной промышленности.

Неослабевающее внимание ученых к творческому диалогу Маяковского и Есенина, в котором обнаруживаются все новые и новые литературно-творческие связи и скрытые коды, мотивировано его значимостью как для углубления представлений об эволюции художественных миров обоих поэтов, так и для всестороннего осмысления творческих исканий в литературе Серебряного века.

Изучение диалогического взаимодействия поэтических миров Маяковского и Есенина имеет вполне сложившуюся научную традицию, заложенную исследователями еще в 60-х гг. прошлого века [см.: Аксенова; Земсков; Перцов]. В ее русле заслуживает внимания ряд исследовательских работ Т. К. Савченко, посвященных проблемам литературно-творческих связей, влияний и взаимовлияний Есенина и Маяковского [см.: Савченко, 2018; 2003а; 2003б], в том числе и ее монографическое исследование, одна из глав которого освещает проблему, связанную с отношением Маяковского к «последнему поэту деревни» [Савченко, 2014]. Вместе с тем отметим, что все вышеперечисленные труды ученых объединяет общая оценка поэтических выпадов поэтов 1924 г., которая сводится к двум положениям. Первое указывает на связь литературных событий: в воображаемой беседе с Пушкиным в «Юбилейном» Маяковский «уничажительно отзывается о Есенине и крестьянских поэтах», что послужило поводом к не менее уничижительному есенинскому отклику в стихотворении «На Кавказе», в котором творчество «главного будетлянина» умалется на фоне заслуг классиков русской литературы. Второе объясняет уничижительный смысл инвектив: именованном «балалаечник» Маяковский подчеркивает «крестьянскую ограниченность» Есенина, который в ответ называет своего оппонента «штабс-маляром» за его деятельность в создании рекламных плакатов Моссельпрома. Обратим внимание, что исследователи ограничиваются исключительно текстуальной трактовкой инвектив, оставляя вне поля своего внимания их скрытые смысловые диалогические связи, которые обнаруживаются при обращении к затекстам, «выполняющим важную смыслообразующую роль в процессе рецепции» [Говорухина, с. 116].

Среди работ, содержащих интерпретации инвектив поэтов 1924 г., особое место принадлежит статье О. А. Лекманова² и М. И. Свердлова, в которой

² Признан иноагентом в РФ.

авторы, характеризуя поэтические выпады как «перепалку», первыми обратили внимание на наличие контраста инвектив, который репрезентируется в текстах «игрой масштабами»: «В этой перепалке самое главное — игра масштабами. Иронически упомянутые Маяковским балалайка и “гитара семиструнная” указывают на камерный масштаб есенинской поэзии. А Есенин у своего конкурента находит комическую неувязку масштабов — поэтическое громогласие на службе у пустякового быта (“поет о пробках”» [Лекманов, Свердлов, с. 32].

Накопленный в литературоведении опыт опосредованно способствует осмыслению имплицитных смысловых посылов инвектив, образующих обозначенные нами выше «темные места», и открывает возможность для нового прочтения текстов, которое значительно расширит существующие интерпретации литературного факта обмена инвективами Маяковского и Есенина в 1924 г. Это определяет главную цель предлагаемого исследования, опирающегося на методологические подходы (прежде всего биографический, системно-функциональный, историко-функциональный, герменевтический), которые сложились в современной практике сравнительно-сопоставительного изучения творческого наследия писателей-современников.

Утверждение первых исследователей-интерпретаторов инвектив, что Маяковский, называя Есенина «нарочитым, полемическим упрощением» «балалаечником», стремился подчеркнуть его «крестьянскую ограниченность», «от которой поэт уходил, но слишком медленно», основывалось на постулате, что общеизвестный народный музыкальный инструмент балалайка «был в то время “знаменем” отсталости» [Перцов, с. 54]. Данная трактовка инвективы Маяковского в адрес Есенина в ее вариациях превалировала в науке на протяжении нескольких десятилетий. В начале XXI в. исследователи О. А. Лекманов³ и М. И. Свердлов предложили иное толкование «издевательского пассажа» в «Юбилейном», считая, что этой инвективой Маяковский высмеивает «есенинский “звонкий”, певучий стих, <...> приравнивая его к низшим музыкальным жанрам» [Лекманов, Свердлов, с. 32]. В основе этой интерпретации лежит проведенная исследователями аналогия между мелодикой есенинского стиха и звучанием балалайки, на которой народными музыкантами (балалаечниками) исполнялись фольклорные музыкально-поэтические произведения «низших» жанров.

Однако общеизвестно, что Есенин не скрывал своего низкого, крестьянского происхождения, а, наоборот, с гордостью называл себя «последним поэтом деревни», «села давнишним жителем», «мечтателем сельским». На этом основании адресованная поэту инвектива Маяковского «балалаечник», в существующих на сегодняшний день трактовках ученых, могла лишь слегка задеть, но никак не обидеть выходца из простой крестьянской семьи, а сравнение мелодики его стиха с народными должно было быть воспринято Есениным как поэтический комплимент со стороны литературного конкурента, но отнюдь не как инвектива. Есенину же, по свидетельству В. А. Мануйлова, эти строки из «Юбилейного»

³ Признан иноагентом в РФ.

казались «самой большой обидой во всей жизни, и он не скрывал, что они его больно ранили» [Мануйлов, с. 174]. В своих воспоминаниях Мануйлов не поясняет, что именно в отзыве Маяковского так сильно обидело поэта и в чем конкретно состояла «несправедливость» резких строк поэтического соперника «о нем, о Есенине». Обстоятельство же того, что они были произнесены Маяковским в воображаемом разговоре с Пушкиным, к которому «Есенин всегда благоговейно относился» [Там же], по мнению мемуариста, усугубило воздействие на поэта инвективы Маяковского. Отмеченное Мануйловым обстоятельство, безусловно, имело большое значение в рецепции Есениным строк Маяковского о нем, но оно не проясняет уничижительного содержания самой инвективы, больно ранившей крестьянского поэта.

Известно, что балалайка в конце XIX — начале XX в. получает второе рождение благодаря деятельности выдающегося русского музыканта, балалаечника-виртуоза, организатора и руководителя первого в истории оркестра русских народных инструментов В. В. Андреева (1861–1918), стоявшего у истоков балалаечного академического исполнительского искусства и популяризовавшего в России и за ее пределами этот народный музыкальный инструмент [см.: Кузнецова; Мищенко; Просветов; и др.]. Еще в дореволюционные годы популярность балалайки была настолько высокой, что стекольный завод А. Р. Ликфельда начал производить фигурные бутылки «Балалаечник» (сюжет «Мужичок с балалайкой») объемом $\frac{1}{20}$ ведра (0,61 л). В них российскими производителями, в том числе товариществом П. А. Смирнова, разливалось крепкое очищенное хлебное вино, за которым впоследствии закрепилось название «водка». Фигурная тара «Балалаечник» служила продвижению продаж этого и без того популярного национального алкогольного напитка и была одной из самых распространенных «бутылок с сюжетом» в царской России. В популярности она уступала лишь бутылкам в форме медведя, также служившим оригинальной рекламной упаковкой хлебного вина [Ушаков, с. 83–106].

Отметим, что благодаря уникальности этого музыкального народного инструмента, его необычайно высокой всесословной популярности еще в дореволюционные годы начинает формироваться узнаваемый во всем мире национальный бренд «балалайка-балалаечник», который в 1920–1930-е гг. становится, наряду с медведем и водкой, одним из неофициальных символов, ассоциирующихся с жизнью в России, а отнюдь не «знаменем» отсталости», как утверждал исследователь В. О. Перцов, комментируя инвективу «балалаечник» [Перцов, с. 54].

Приведенный нами историко-культурный затекст проясняет важный дополнительный смысл, содержащийся в инвективе Маяковского «Есенин-балалаечник». Всенародная слава Есенина как поэта уничижительно уподобляется Маяковским популярности балалаечников в те годы, тем самым низводя уникальность таланта крестьянского поэта до заурядности. Это значение инвективы «балалаечник» отчасти объясняет «подмену» Маяковским гармошки на балалайку, но не проясняет до конца реакцию Есенина.

Наличие «темных мест» и противоречивость существующих на сегодняшний день трактовок инвективы Маяковского в адрес Есенина объясняется, на наш взгляд, неверным определением исследователями границ текста отзыва, образно характеризующего Есенина в «Юбилейном». Ученые не относят к инвективе (и на этом основании не комментируют) строки, которые следуют за прямой характеристикой Есенина и аттестуют его опосредованно (имплицитно), от противного. Эта содержательная часть инвективы мастерски сокрыта Маяковским в строках авторской самохарактеристики. Границы инвективы Маяковского, таким образом, определяются двумя ее частями: уничижающей Есенина эксплицитно и имплицитно. Являясь неотъемлемой составляющей выпада Маяковского в адрес Есенина, скрытая часть несет важную смысловую нагрузку и делает отзыв Маяковского цельным, законченным. Приведем строки из «Юбилейного» о Есенине, отметив те из них, которые ранее не включались учеными в состав инвективы Маяковского:

Ну Есенин,
мужиковствующих свора.
Смех!
Коровою
в перчатках лаечных.
Раз послушаешь...
но это ведь из хора!
Балалаечник!
Надо,
чтоб поэт
и в жизни был мастак,
Мы крепки,
как спирт в полтавском штофе.
[Маяковский, т. 6, с. 52–53]

Отмеченный нами фрагмент — логическое продолжение авторской мысли инвективы, содержащейся в ее открытой части. В заключающих инвективу строках Маяковский укоризненно повелевает Есенину-«балалаечнику» изменить неподобающий поэту образ жизни, ставя ему в пример себя и поэтов-соратников по литературному цеху. В части инвективы, содержащей имплицитный смысл, Маяковский прибегает к яркому образному сравнению крепости жизненных установок поэтов его литературного цеха со «спиртом в полтавском штофе», указывая тем самым, от противного, на слабую сторону жизни Есенина — пристрастие поэта к спиртному. Известно, что образ жизни Есенина в эти годы был овеян «кабацкой славой» [см.: Наседкин; Розанов; Как жил Есенин; Прокушев], и поэтому использованное Маяковским образное сравнение со спиртом представляется отнюдь не случайным.

Намек на кабацкое пристрастие Есенина содержится и в образном именовании поэта «балалаечник», осмыслить которое помогает литературный затекст инвективы.

Смыслопорождающую функцию в отношении инвективы Маяковского в «Юбилейном» выполняют известные пушкинские строки из «Евгения Онегина», в которых балалайка (музыкант-балалаечник) выступает неизменным атрибутом кабака и его разгульного пьяного веселья: «Теперь мила мне балалайка / Да пьяный топот трепака / Перед порогом кабака» [Пушкин, т. 5, с. 174]. Та же кабацкая принадлежность инструмента (музыканта) отчетливо просматривается в эпизоде сна Раскольников о лошади, являющемся одним из самых тяжелых и запоминающихся в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: «Но вот вдруг становится очень шумно: из кабака выходят с криками, с песнями, с балалайками пьяные-препьяные большие такие мужики в красных и синих рубашках, с армяками внакидку» [Достоевский, т. 6, с. 47]. Примеры из русской классики дополняет известный герой повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» (1925), убитый в пивной алкоголик и рецидивист Клим Чугункин, профессией которого в листке значилась «игра на балалайке по трактирам» [Булгаков, т. 3, с. 166]. Этот яркий образ трактирного забулдыги-балалаечника из произведения писателя — современника Маяковского и Есенина косвенно способствует расшифровке алкогольного кода инвективы «балалаечник».

С целью декодирования скрытых смыслов именованного «балалаечник» обратимся к имени и образу Есенина в поэзии Маяковского. В стихотворении «Тамара и Демон», датированном сентябрем — началом октября 1924 г., Маяковский для передачи грохота течения горного Терека обращается к имени поэта-соперника, образно сравнивая бушующую реку с поведением Есенина в отделении милиции: «Шумит, / как Есенин в участке» [Маяковский, т. 2, с. 375]. Тот факт, что изначальный вариант этой строки, сохранившийся в черновиках Маяковского, звучал как «[Бушует] как [пьяный] в участке» [Там же, с. 637], дает весомое основание судить о состоянии Есенина. Позднее в статье «Как делать стихи?» (1926) Маяковский осудит нездоровый кабацкий образ жизни Есенина, нередко сопровождавшийся публичными скандалами и газетной шумихой, который поэт вел после возвращения в 1923 г. из-за границы: «К сожалению, в этот период с ним чаще приходилось встречаться в милицейской хронике, чем в поэзии. Он быстро и верно выбивался из списка здоровых (я говорю о минимуме, который от поэта требуется) работников поэзии» [Маяковский, т. 12, с. 94]. Последняя встреча с Есениным произвела на Маяковского «тяжелое и большое впечатление» из-за нездорового состояния поэта, вызванного его пристрастием к алкоголю, которое уже начало негативно сказываться на внешности поэта: «Я встретил у кассы Госиздата ринувшегося ко мне человека с опухшим лицом, со свороченным галстуком, с шапкой, случайно держащейся, уцепившись за русую прядь. От него и двух его темных (для меня, во всяком случае) спутников несло спиртным перегаром. Я буквально с трудом узнал Есенина» [Там же, с. 95].

Ко времени написания «Юбилейного» в сознании Маяковского за именем поэта Есенина уже достаточно прочно закрепилось определение кабацкого поэта, которое позднее, в стихотворении «Сергею Есенину» (1926), обретет

законченную форму в знаменитом поэтическом определении «звонкий забулдыга подмастерье» у народа-языкотворца, сохранив в своей основе негативное статусное значение беспутного гуляки, пропавшего поэта-пьяницы:

У народа,
у языкотворца,
умер
звонкий
забуддыга подмастерье.

[Маяковский, т. 7, с. 102–103]

Литературный титул «звонкого забулдыги подмастерья», присвоенный Маяковским Есенину уже после его смерти, несомненно, выше «балалаечника» — пристрастного к спиртному заурядного кабацкого поэта, одного из «хора мужиковствующих», так как в новом образном определении содержится признание Маяковским высокого статуса Есенина как поэта национального масштаба («подмастерье у народа, у языкотворца»). В то же время отметим, что и прижизненный, и посмертный титулы Есенина содержат указание на его пристрастие к спиртному. Во многом этому способствовал сам поэт, издавший отдельной книгой в июле 1924 г. сборник стихов «Москва кабацкая». Образ лирического героя этой книги, называвшего себя «озорным гулякой», «скандалистом», «повесой», «пропащим» и «хулиганом», негативно сказался на восприятии окружающими, в том числе и Маяковским, личности ее автора. Заметим также, что один из циклов стихов при подготовке к изданию собрания своих сочинений зимой 1925 г. Есенин задумывал назвать «Песни Забуддыги» [Есенин, т. 6, с. 638], тем самым емко, одним словом, охарактеризовав своего лирического героя.

И «балалаечник», и «забуддыга» характеризуют у Маяковского главным образом Есенина как человека. В многолетнем соперничестве поэтов стихотворение «Юбилейное» становится той точкой высшего накала противостояния, в которой поэтический спор двух непримиримых оппонентов выходит за рамки неписанных правил приличия в литературной среде и переносится Маяковским на личность Сергея Есенина, унижение его за неподобающий поэту кабацкий образ жизни. Унизительное оскорбление человеческого достоинства усугублялось тем, что слова инвективы были сказаны Маяковским в воображаемом разговоре с Пушкиным, перед которым Есенин «благоговел». Чуткий к слову поэт-«балалаечник» разгадал тайный смысл строк, зашифрованных алкогольным кодом. Содержание скрытой части инвективы, уязвляющей Есенина как личность, делает отзыв Маяковского особенно резким и по-настоящему оскорбительным. Нарушение автором «Юбилейного» кодекса творческого соперничества поэтов в борьбе за первенство на российском Парнасе стало для Есенина «самой большой обидой во всей жизни».

Декодирование содержания инвективы Маяковского в «Юбилейном» не только проясняет темные места есенинского ответа в стихотворении

«На Кавказе», но и выявляет диалогическую связь между выпадами поэтов, которая отнюдь не ограничивается банальным обменом унижительными титулами «балалаечника» и «штабс-маляра».

В своем ответе Маяковскому Есенин использует тот же алкогольный код, что и его соперник в «Юбилейном». Декодировать текст реактивной инвективы Есенина помогают «пробки», о которых поэт «главный штабс-маляр»:

Мне мил стихов российский жар.
Есть Маяковский, есть и кроме,
Но он, их главный штабс-маляр,
Поет о пробках в Моссельпроме.

[Есенин, т. 2, с. 108]

Свое отношение к Маяковскому и его моссельпромовскому творчеству Есенин высказал еще во время своего путешествия за границу в интервью одному немецкому изданию: «поэт с ограниченным дарованием», нашедший свое полное выражение в плакатном творчестве» [Есенин, т. 7, кн. 1, с. 346]. В беседе с репортером Есенин указывает на ограниченность поэтического таланта Маяковского, а следовательно, заурядность его творчества, вершиной которого стали «хозяйственные агитки» (рекламные тексты) на плакатах Моссельпрома. Есенинский отзыв о сопернике, заметим, шел вразрез с мнением Маяковского, считавшего свое двустушие «Нигде кроме, как в Моссельпроме» «поэзией самой высокой квалификации» [Маяковский, т. 1, с. 27].

Негативное отношение Есенина к моссельпромовскому творчеству Маяковского нашло выражение и в стихотворении «На Кавказе». В нем поэт указывает на хозяйственную, ограниченную сферой быта тематику творчества своего литературного оппонента: «Поет о пробках в Моссельпроме». Однако для выявления всех смысловых пластов, содержащихся в есенинской инвективе, важно уяснить, какие пробки стали темой поэзии «штабс-маляра». Идентифицировать пробки помогают выступающие в качестве затекста факты из жизни противоборствовавших поэтов.

Из творческой биографии Маяковского известно, что поэт сочинял рекламные тексты к разным товарам, производимым и реализуемым предприятиями Моссельпрома: детским соскам, конфетам, печенью, галошам, папиросам и пр., в том числе и Трехгорному пиву, реклама которого была подготовлена и сдана им Моссельпрому в начале февраля 1924 г.: «Долой запивающих до невязания лык, / но пей Трехгорное пиво, — / пей “Двойной золотой ярлык”»; «Трехгорное пиво выгонит вон / ханжу и самогон» [Маяковский, т. 5, с. 309–310]. Из всех многочисленных потребительских товаров, к которым Маяковским были сочинены рекламные тексты до сентября 1924 г., только бутылки Трехгорного пива закупоривались пробками. Этот факт в свете прояснения инвективы в «На Кавказе» заслуживает внимания и придает содержанию инвективы дополнительный смысл.

Семантика «пробок» конкретизируется воспоминаниями Ю. П. Анненкова о «пьяной ночи», проведенной с Есениным в «Альгамбре» в 1920 г.

Автор мемуаров приводит слова подвыпившего поэта, требующего от официанта, чтобы тот принес еще одну бутылку вина: «...Есенин стучал кулаком по столу: — Товарищ лакей! пробку!!» [Анненков, с. 167]. Требование к «лакею» завсегдатая питейных заведений Есенина автор воспоминаний сопровождает разъяснением значения слова «пробка», проливающим свет и на есенинский ответ Маяковскому в «На Кавказе»: «“Пробкой” называлась бутылка вина, так как в живых оставалась только пробка: вино выпивалось, бутылка билась вдребезги» [Там же].

Заметим, что бутылка вина, как и бутылка пива, в то время закрывалась пробкой, сделанной из коры коркового дуба (латинское название *Quercus siber*), поэтому «пробкой» у кабацких завсегдатаев называлась и бутылка пива, которую по требованию клиента приносил и откупоривал официант питейного заведения. В основе значения слова *пробка* лежит метонимический перенос названия с части на целое, репрезентируемый безглагольным (именным) императивом. К этому же приему Есенин прибегает и в стихотворении «На Кавказе» для обозначения объекта поэзии «главного штабс-маляра», называя «пробками» бутылки с пивом, которое рекламировалось Маяковским в Моссельпроме.

В «На Кавказе» Есениным осмеивается воспевание Маяковским именно пива, которое, как известно, является спиртосодержащим, слабоалкогольным напитком. Определенная нами дефиниция «пробок» позволяет установить диалогичность выпада Маяковского и ответа на него Есенина, образующуюся благодаря общему алкогольному коду инвектив поэтов.

Содержание реактивной инвективы Есенина, декодированное алкогольным кодом, обнаруживает намеренный контраст выпадом Маяковского, который показан в таблице, сравнивающей общие и контрастные точки пересечения смысловых векторов инвектив.

Сходство и контрастность инвектив

ОБЩЕЕ В ИНВЕКТИВАХ	
Заурядность	
<i>Раз слушаешь... / но это ведь из хора!</i>	<i>Есть Маяковский, есть и кроме</i>
КОНТРАСТНОСТЬ ИНВЕКТИВ	
Социальная принадлежность	
Балалаечник!	штабс-маляр
Деревенский музыкант	Городской мастеровой
Организованность	
<i>мужиковствующих свора</i>	<i>главный штабс-маляр</i>
Неорганизованность	Иерархическая организованность

Окончание таблицы

Профессиональный статус	
<i>...из хора! / Балалаечник!</i>	<i>главный штабс-маляр</i>
Низший, второстепенный	Высший, первенствующий
О себе Качество труда	
<i>спирт</i>	<i>пробки ('пиво')</i>
Высочайшее (100 %)	Слабое (4–6 %)
О себе Эстетичность и применение	
<i>полтавский штоф</i>	<i>пробки ('пивная бутылка')</i>
Красота, многоразовое применение	Тривиальность, одноразовое использование
Объем	
<i>штоф (1,23 л)</i>	<i>пробки ('пивная бутылка') (0,6 л)</i>
Целое	Часть (\approx половина от целого)
Масштабность	
<i>полтавский штоф</i>	<i>пробки ('пивная пробка')</i>
Эпохальность (жизнь страны в переломные моменты истории). Продолжение традиций «Полтавы» Пушкина. Противопоставление субъективизму песнопевческой стихии Есенина-«балалаечника»	Незначительность, мелкость, обыденность

Намеренная зеркальность есенинского ответа Маяковскому в стихотворении «На Кавказе» проясняет его кодированное содержание: величие поэта определяется масштабом его творчества, а отнюдь не крепостью жизненных устоев и бытом. Есенин указывает сопернику на его недостаток как поэта, состоящий в ограниченности его поэтического таланта «плакатным творчеством», воспеванием мелких хозяйственных предметов быта («поет о пробках»), в то время как сам Есенин на Кавказе в полной мере осознал себя «поэтом с большой эпической темой» [Есенин, т. 2, с. 108].

В ответе Маяковскому Есенин прибегает к емкому образу «пробки», чтобы «заткнуть рот» поэту-сопернику, оскорбившему его достоинство в воображаемом разговоре с Пушкиным. Обращение к фольклорному затексту как смыслообразующему источнику позволяет интерпретировать реактивную инвективу Есенина как весьма оригинальный и достойный ответ своему литературному оппоненту на инвективу, содержащую алкогольный код. Фольклорный затекст

привносит в есенинские строки дополнительный смысл: Маяковский, слово-творчество которого ограничено (ограниченность — свойство глупости) воспеванием моссельпромовских пробок, быта (ср. со значением пословицы «глуп, как пробка»), не сможет заставить замолчать «созревшего» поэта «с большой эпической темой» (ср. с пословицей «рта пробкой не заткнешь»). На оскорбительный укор в нездоровом пристрастии к кабаку в «Юбилейном» Есенин ответил не менее уничижительными строками в «На Кавказе», порицающими в Маяковском глупость.

Таким образом, атрибуция границ инвективы В. Маяковского в «Юбилейном», репрезентируемая явной и скрытой от посторонних глаз частями, проясняет диалогичность реактивной инвективы С. Есенина в «На Кавказе», выраженную в зеркальности есенинского ответа на выпад литературного оппонента в свой адрес. Сокрытое содержание обеих инвектив декодируется алкогольным кодом, к использованию которого прибегают поэты-соперники для уничтожения не только творческих, но и личностных достоинств друг друга, что свидетельствует о накале их творческого противостояния, вышедшего за границы сугубо литературного спора.

Источники

Булгаков М. А. Собрание сочинений : в 10 т. / [ред. совет: Алешкин П. Ф. (пред.) и др.] ; сост., предисл., подгот. текста В. Петелина. М. : Голос, 1995–2000.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1972–1990.

Есенин С. А. Полное собрание сочинений : в 7 т. / гл. ред. Ю. Л. Прокушев. М. : Наука : Голос, 1995–2002.

Как жил Есенин: Мемуарная проза / [сост., авт. послесл., с. 354–373, и коммент. А. Л. Казаков]. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992.

Маяковский В. В. Полное собрание сочинений : в 13 т. / АН СССР. Институт мировой литературы им. А. М. Горького. М. : Худож. лит., 1955–1961.

Наседкин В. Ф. Последний год Есенина // С. А. Есенин в воспоминаниях современников : в 2 т. / вступ. ст., сост. и коммент. А. Козловского. М. : Худож. лит., 1986. Т. 2. С. 303–312.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. / текст проверен и примеч. сост. Б. В. Томашевским. 4-е изд. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979.

Розанов И. Н. Воспоминания о Сергее Есенине // С. А. Есенин в воспоминаниях современников : в 2 т. / вступ. ст., сост. и коммент. А. Козловского. М. : Худож. лит., 1986. Т. 1. С. 428–444.

Исследования

Аксенова Е. М. Талант и время: (Есенин и Маяковский). Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1969.

Анненков Ю. П. Дневник моих встреч : цикл трагедий : [в 2 т.]. М. : Худож. лит., 1991. Т. 1.

Говорухина Ю. А. Феномен затекста: ускользящая сущность // Феномен затекста / под общ. ред. Т. А. Снигиревой и А. В. Подчинова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. С. 108–120. <https://doi.org/15826/B978-5-7996-3277-9.08>

Земсков В. Ф. Есенин и Маяковский (К истории взаимоотношений) // Есенин и русская поэзия / отв. ред. чл.-кор. АН СССР В. Г. Базанов. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1967. С. 137–170.

Кузнецова Т. В. К вопросу формирования академической профессиональной школы игры на балалайке // Искусствознание: теория, история, практика. 2017. № 1 (18). С. 64–70.

Лекманов О. А.⁴, Свердлов М. И. Сергей Есенин в диалоге с отечественным авангардом // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2008. Т. 67, № 1. С. 21–37.

Мануйлов В. А. О Сергее Есенине // С. А. Есенин в воспоминаниях современников : в 2 т. / сост. А. А. Козловский. М. : Худож. лит., 1986. Т. 2. С. 165–190.

Матросова Е. С. От агитации — к рекламе (Некоторые особенности эволюции жизнестроения В. Маяковского) // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 4, № 2. С. 121–124.

Мищенко Л. А. Великорусский оркестр В. В. Андреева как межкультурный феномен (К 120-летию создания) // Наука. Искусство. Культура. 2016. № 2 (10). С. 42–56.

Перцов В. Маяковский и Есенин // Вопросы литературы. 1961. № 3. С. 49–79.

Прокушев Ю. Л. Летопись жизни и творчества С. А. Есенина : в 5 т. М. : ИМЛИ РАН, 2010. Т. 4 : 3 августа 1923–1924.

Просветов А. В. История балалаечного искусства в России в 20–30 годы XX столетия // Мир культуры: искусство, наука, образование. Вып. 10 / сост. А. С. Макурина ; науч. ред. Е. А. Куштым. Челябинск : ЮУрГИИ им. П. И. Чайковского, 2021. С. 100–103.

Савченко Т. К. К проблеме личности писателя: Есенин и Маяковский // Развитие личности. 2003а. № 1. С. 32–45.

Савченко Т. К. К проблеме личности писателя: Есенин и Маяковский (Окончание) // Развитие личности. 2003б. № 2. С. 58–71.

Савченко Т. К. Есенин и русская литература XX века: влияния, взаимовлияния, литературно-творческие связи. М. : Русский мир, 2014.

Савченко Т. К. “Звонкая сила поэта”: общее и различное в творческой практике Есенина и Маяковского // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIX Кирилло-Мефодиевские чтения / гл. ред. М. Н. Русецкая. М. : Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2018. С. 403–407.

Степанова М. А. Есенин vs Маяковский: поэтическая дуэль. М. : Центр книги Рудомино : Бослен, 2022.

Ушаков А. П. Русские фигурные бутылки. Иллюстрированный альбом. М. : ИП Никишин Даниил Александрович, 2018.

References

Aksenova, E. M. (1969). *Talant i vremia: (Esenin i Maiakovskii)* [The Talent and the Time: (Yesenin and Mayakovsky)]. Yaroslavl: Verkhne-Volzhsкое knizhnoe izdatel'stvo.

Annenkov, Yu. P. (1991). *Dnevnik moikh vstrech: tsikl tragedii* [The Diary of My Meetings: Cycle of Tragedies] (Vol. 1). Moscow: Khudozhestvennaia literatura.

Govorukhina, Yu. A. (2021). Fenomen zateksta: uskol'zaiushchaia sushchnost' [The Phenomenon of Aftertext: An Elusive Entity]. In T. A. Snigireva, & A. V. Podchinenov (Eds.), *Fenomen zateksta* [The Phenomenon of Aftertext] (pp. 108–120). Ekaterinburg: Ural University Press. <https://doi.org/10.15826/B978-5-7996-3277-9.08>

⁴ Признан иноагентом в РФ.

Kuznetsova, T. V. (2017). K voprosu formirovaniia akademicheskoi professional'noi shkoly igry na balalaika [On the Formation of the Academic Professional School of Balalaika Playing]. *Iskusstvoznanie: teoriia, istoriia, praktika*, 1 (18), 64–70.

Lekmanov, O. A.⁵, & Sverdlov, M. I. (2008). Sergei Esenin v dialoge s otechestvennym avangardom [Sergei Yesenin in the Dialogue with the National Avant-garde]. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Serii literatury i iazyka*, 67(1), 21–37.

Manuilov, V. A. (1986). O Sergee Esenine [About Sergei Yesenin]. In A. A. Kozlovsky (Ed.), *S. A. Esenin v vospominaniakh sovremennikov* [S. A. Yesenin in the Memoirs of Contemporaries] (Vol. 2, pp. 165–190). Moscow: Khudozhestvennaia literatura.

Matrosova, E. S. (2013). Ot agitatsii – k reklame (Nekotorye osobennosti evoliutsii zhiznestroeniia V. Maiakovskogo) [From Campaigning to Advertising (Some Features of the Evolution of Mayakovsky's Life-building)]. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Serii: Gumanitarnye nauki*, 4(2), 121–124.

Mishchenko, L. A. (2016). Velikorusskii orkestr V. V. Andreeva kak mezhkul'turnyi fenomen (K 120-letiiu sozdaniia) [The Great Russian Orchestra of V. V. Andreev as an Intercultural Phenomenon (to the 120th Anniversary of its Creation)]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*, 2 (10), 42–56.

Pertsov, V. (1961). Maiakovskii i Esenin [Mayakovsky and Yesenin]. *Voprosy literatury*, 3, 49–79.

Prokushev, Yu. L. (2010). *Letopis' zhizni i tvorchestva S. A. Esenina. Vol. 4: August 3, 1923–1924* [The Chronicle of the Life and Work of S. A. Yesenin. Vol. 4: August 3, 1923–1924]. Moscow: IMLI RAN.

Prosvetov, A. V. (2021). Istoriia balalaiechnogo iskusstva v Rossii v 20–30 gody XX stoletia [The History of Balalaika Art in Russia in the 1920s–1930s]. In A. S. Makurina, & E. A. Kushtym (Eds.), *Mir kul'tury: iskusstvo, nauka, obrazovanie* [World of Culture: Art, Science, Education] (Iss. 10, pp. 100–103). Chelyabinsk: IuUrGII imeni P. I. Chaikovskogo.

Savchenko, T. K. (2003a). K probleme lichnosti pisatel'ia: Esenin i Maiakovskii [On the Problem of the Writer's Personality: Yesenin and Mayakovsky]. *Razvitie lichnosti*, 1, 32–45.

Savchenko, T. K. (2003b). K probleme lichnosti pisatel'ia: Esenin i Maiakovskii (Okonchanie) [On the Problem of the Writer's Personality: Yesenin and Mayakovsky (Ending)]. *Razvitie lichnosti*, 2, 58–71.

Savchenko, T. K. (2014). *Esenin i russkaia literatura XX veka: vliianiia, vzaimovliianiia, literaturno-tvorcheskie sviazi* [Yesenin and 20th-Century Russian Literature: Influence, Mutual Influence, Literary and Creative Relationships]. Moscow: Russkii mir.

Savchenko, T. K. (2018). “Zvonkaia sila poeta”: obshchee i razlichnoe v tvorcheskoi praktike Esenina i Maiakovskogo [“The Poet's Resonant Strength”: Similarities and Dissimilarities in Yesenin's and Mayakovsky's Poetic Practice]. In M. N. Rusetskaya (Ed.), *Slavianskaia kul'tura: istoki, traditsii, vzaimodeistvie. XIX Kirillo-Mefodievskie chteniia* [The Slavic Culture: Origins, Traditions, Interaction. 19th Cyril and Methodius Readings] (pp. 403–407). Moscow: Gosudarstvennyi institut russkogo iazyka im. A. S. Pushkina.

Stepanova, M. A. (2022). *Esenin vs Maiakovskii: poeticheskaia duel'* [Yesenin vs Mayakovsky: The Poetic Duel]. Moscow: Tsentr knigi Rudomino; Boslen.

Ushakov, A. P. (2018). *Russkie figurnye butylki. Illiustrirovannyi al'bom* [Russian Figured Bottles. Illustrated Album]. Moscow: IP Nikishin Daniil Aleksandrovich.

⁵ Признан иноагентом в РФ.

Zemskov, V. F. (1967). *Esenin i Maïakovskii (K istorii vzaimootnoshenii)* [Yesenin and Mayakovsky (On the History of the Relationship)]. In V. G. Bazanov (Ed.), *Esenin i russkaia poeziia* [Yesenin and Russian Poetry] (pp. 137–170). Leningrad: Nauka. Leningradskoe otделение.

Кудряшов Игорь Васильевич

доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
и литературы
Арзамасский филиал Нижегородского
государственного университета
им. Н. И. Лобачевского
607220, Арзамас Нижегородской обл.,
ул. К. Маркса, 36
E-mail: kiv.arz@yandex.ru

Kudryashov, Igor Vasilyevich

Dr. Hab. (Philology), Professor
Department of the Russian Language
and Literature
State University of Nizhny Novgorod
(Arzamas Branch)
36, Karl Marx St., 607220 Arzamas, Russia
Email: kiv.arz@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7022-3830>
WoS ResearcherID: J-7391-2019